

«ЧЕРНЫЕ ГОДЫ» СОВЕТСКОГО ЕВРЕЙСТВА. 1948—1953 гг.

1948—1953 гг. вошли в историю как «черные годы» советского еврейства. Это было время кампаний по борьбе с еврейским буржуазным национализмом и «безродным космополитизмом». Репетицией послужило «дело Ключевой-Роскина», советских микробиологов, активно работавших над проблемой биотерапии рака. Их деятельностью заинтересовался Национальный раковый институт США, который в сентябре 1945 г. обратился с просьбой о совместном сотрудничестве. Профессор Г.И. Роскин и член-корреспондент Академии медицинских наук Н.Г. Ключева с санкции своего куратора А.И. Микояна дали согласие. Однако с началом «холодной войны» в 1946 г. ситуация изменилась. 16 июня 1947 г. ЦК ВКП(б) по указанию Сталина принял закрытое письмо, в котором Ключеву и Роскина заклеямили как «продавших родину антипатриотов», а Министерство здравоохранения СССР учредило «Суд чести», которому предало ученых-микробиологов.

В Белоруссии, как и по всей стране, были проведены закрытые партийные собрания в вузах и научно-исследовательских институтах в связи с «делом Ключевой-Роскина». За ними последовали городские собрания партийного и комсомольского активов. Не стал исключением и Могилев. В Могилевском педагогическом институте целый ряд

руководителей кафедр обвинили в неспособности организовать преподавание дисциплин на соответствующем идеологическом уровне. Обращало на себя внимание то, что главными субъектами этой критики стали преподаватели-евреи. В отставании от современности обвинили заведующего кафедрой географии профессора **Шенберга**, а заведующую

Аллея в городском парке. Фото 50-х гг. XX в. из фондов МОКМ

кафедрой литературы **Левитину** — в том, что она якобы руководствовалась личными симпатиями в ущерб интересам дела. Заведующий кафедрой естествознания **Крубич-Лебедев** оказался виноватым в том, что «неоднократно оговаривался репликами, чуждыми советской современности», а преподаватель английского языка **Шульман** «не скрывал лучшие бытовые условия жизни за границей» (НАРБ, ф.4, оп.51, д.103, лл.76—77; д.567, л.215).

Достоянием судебной практики стали дела должностных лиц, пытавшихся решить спорные вопросы в пользу истца, когда, казалось, не возникало сомнений в их законности и объективности. В декабре 1947 г. народный суд Могилева вынес приговор начальнику отдела архитектуры и главному архитектору Могилева **Александру Исааковичу Штейрину**, осудив его на 5 лет лишения свободы. Штейрин выдавал документы гражданам на право снятия с учета домов в горсовете Могилева лишь на основании карточек, заполненных в период немецкой оккупации. Таким образом, с учета оказались сняты 28 домовладений, что позволяло их хозяевам получить право на новое строительство. Однако главным обвинением послужило содействие Штейрина в «фабрикации» акта о принадлежности домов гражданке Шапиро. **Бера Шапиро** жила на улице Вербовой в Могилеве, но ее дом был записан на мужа **Иофана**, осужденного в 1937 г. за «контрреволюционные преступления». После ареста мужа дом конфисковали и передали на баланс в домоуправление по месту жительства. После войны Штейрин возбудил дело о возврате ей жилья и пострадал за это (НАРБ, ф.4, оп.51, д.103, лл.76—77; д.567, л.215).

Отдельную страницу в истории Могилева открыло «дело врачей» 1953 г. В противостоянии со странами Запада антиеврейская кампания оказа-

Популярное место фотографирования
могилевчан — памятник Сталину в Печерске.
Фото 50-х гг. XX в.

лась орудием большой важности. Ее использовали для борьбы с национализмом, космополитизмом и сионизмом, против евреев выдвинули обвинения в шпионаже в пользу империалистических стран. Для начала более решительных действий не хватало массированного воздействия на обыденное сознание, и эту роль отвели «делу врачей». Целью кампании должна была стать не только ликви-

дация группы талантливых и независимых ученых-медиков и запугивание интеллигенции в целом, но и формирование образа еврея-изувера вместо малопонятного массам космополита.

В связи с сообщением ТАСС от 13 января 1953 г. заведующий отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов Могилевского обкома КПБ **К. Власов** подготовил в ЦК КПСС информацию, в которой говорилось, что митинги в городе по поводу медицинского «террора» врачей-отравителей были «как никогда многолюдны». В медицинских учреждениях Могилева начались собрания с требованием повысить бдительность и улучшить

Праздник в Печерском лесопарке.
Фото 50-х гг. XX в.

Демонстрация физкультурников. Могилев, 1 мая 1951 г. Фото из фондов МОКМ

обслуживание больных. Могилевский ОК КПБ провел совещание руководителей областного и городского отделов здравоохранения по подбору, расстановке и воспитанию специалистов. Проверка кадров проводилась как в самом Могилеве, так и в семи районах области. Упор делался не только на медицинские, но и торговые, кооперативные организации, где был традиционно высок процент евреев-специалистов (НАРБ, ф.4, оп.62, д.352, л.55).

Огромная роль отводилась периодической печати, при помощи которой, в отсутствии альтернативных источников информации, власти манипулировали общественным сознанием. 19 февраля 1953 г. «Могилевская правда» вслед за республиканскими газетами перепечатала статью Яна Марека из журнала «За прочный мир, за народную демократию» (№ 6, 1953), которая была озаглавлена: «Джойнт — филиал американской разведки». В ней утверждалось, что сионистский «Джойнт» целиком зависит от американских секретных служб и очень щедр, когда речь идет о троцкистах, меньшевиках, эсерах, бундовцах и буржуазных националистах, членах кулацких партий, шпионах и предателях. После этого «Могилевская правда» перепечатала фельетон из «Правды» — «Простаки и проходимцы». В нем в роли «проходимцев» выступали евреи, а «простаков» — те, кто им верил и брал на работу. Подобные «фельетоны», полностью называвшие фамилии, имена и отчества «вредителей» и «жуликов», захлестнули столичную и

провинциальную прессу. Термины «сионисты», «бундовцы», «националисты», «вредители» стали синонимами слова «еврей».

Секретарь ЦК КПБ Михаил Зимянин сообщал зимой 1953 г. в Москву «О мерах партийных организаций Белоруссии в связи с раскрытием и арестом группы врачей-вредителей». По его словам, после сообщения ТАСС от 13 января количество сигналов, писем трудящихся о неблагополучии с кадрами в некоторых советских, хозяйственных органах, учреждениях здравоохранения, культуры, науки и промышленности резко увеличилось. Понятие «некоторые» позволяло своей неконкретностью выгодно использовать ту или иную нишу в пропагандистской кампании. Зимянин заверил ЦК КПСС, что «белорусские товарищи» примут все необходимые меры по усилению воспитания трудящихся в духе преданности партии Ленина — Сталина (НАРБ, ф.4, оп.62, д.324, лл.77—80).

Одной из подобных мер стал возврат персональных дел коммунистов, имевших взыскания в предшествующие годы, многие из которых были евреями. Бюро Могилевского обкома КПБ докладывало первому секретарю ЦК КПБ Н.С. Патолычеву «О либеральном отношении Могилевского обкома партии при рассмотрении персональных дел коммунистов». В качестве примера приводился случай отмены им решения Могилевского горкома партии об исключении **Л.М. Гарелик** из кандидатов в члены КПСС за утерю кандидатской карточки. Любовь Гарелик, бухгалтера областного

управления розничной торговли, обвинили в том, что при вступлении в партию она скрыла судимость, указав в анкете время заключения как работу в советском учреждении. Народный суд Могилева в 1941 г. приговорил Гарелик к полутора годам тюрьмы и двум годам поражения в правах за рассказанный антисоветский анекдот. В 1942 г. девушку досрочно освободили в связи с поданным ею заявлением о добровольной отправке на фронт. Люба участвовала в боях, была ранена и контужена, а в 1945 г. вступила в кандидаты в члены ВКП(б). В 1948 г. партийные чиновники объявили ей выговор за утрату кандидатской карточки, но в 1953 г. посчитали это «либерализмом» и потребовали исключения Гарелик из партии (НАРБ, ф.4, оп.62, д.351, л.61—64).

Январь — март 1953 г. были для евреев ужасными: они жили в атмосфере подозрительности и ненависти, постоянном страхе за себя и детей. Зимой 1953 г. были проведены аресты среди еврейских верующих, отказывавшихся подчиниться запретам, посещавших миньяны и соблюдавших традиции. Предлогом часто служил факт прослушивания зарубежного радио. «Голос Израиля» в Могилеве слушали **Зелик Косовский, Роман Аксельрод** и еще двое верующих, один из которых был шайхетом. Своего радиоприемника у них не было, они ходили к соседям-нееврейям, которые на них и донесли. На допросах следователи добивались признания в том, как арестованные «продавали советских людей». Обвиняемые получили от 10

На улице Первомайской.

Фото 50-х гг. XX в. из семейного архива Ваймана М.И.

до 20 лет лагерей (Письмо Романа Аксельрода из Нацрат-Элит (Израиль) от 9 мая 1999 г. из архива автора).

Кампания по «делу врачей» закончилась так же неожиданно, как и началась. 7 апреля 1953 г. «Могилевская правда» вслед за другими газетами страны поместила краткую информацию МВД СССР о том, что врачи были арестованы неправильно, а обвинения, выдвинутые против них, оказались сфабрированными, что они освобождены, а виновные привлечены к строгой ответственности. Однако подозрение и недоверие к евреям в обществе еще долго давали о себе знать. Часть уволенных восстановили, однако большинство лишились прежних должностей навсегда. Официальная интерпретация событий была дана Н.С. Хрущевым на XX съезде КПСС в 1956 г. и оставалась неизменной вплоть до конца 1980-х гг.

Прямым результатом кампании против «убийц в белых халатах» стало резкое ограничение приема еврейской молодежи в высшие учебные заведения. Рассмотрим это на примере Могилевского педагогического института. Если принять во внимание, что высшее педагогическое образование в послевоенный период было наиболее массовым и доступным, а среди абитуриентов находились не только жители областных городов, но и районных центров, а также «глубинки», то анализ состава

Памятник Сталину и Горькому в городском парке.
Фото 50-х гг. XX в. из фондов МОКМ

Здание театра перед очередной Октябрьской демонстрацией.
Фото начала 50-х гг. XX в.

4,2% вместо 28%(!) в 1947 г., а в Минский институт иностранных языков — 3,5%. В Гомельском педагогическом институте снижение оказалось таким же резким — с 25,3% до 5,2% соответственно. Менее заметно оно было выражено в Витебском пединституте — с 12,5% до 10,1%. На этом фоне аномалией выглядит незначительное увеличение набора студентов-евреев в Могилевский пединститут — с 7,4% до 9%, однако на общую картину по республике этот факт существенного влияния не оказал. А она объяснялась, с одной стороны, предвзятым отношением к еврейским абитуриентам и падением престижа педагогического образования в связи с низким материальным обеспечением школьных учителей, а с другой — выросла смена из белорусских учащихся. Как

известно, в годы оккупации школьники (нееврей) систематически не учились, тогда как в эвакуации дети (всех национальностей), в своем большинстве, посещали школу. Среди абитуриентов 1954 г. не было фронтовиков и бывших партизан, характерных для всех учебных заведений после войны, пользовавшихся правом приема вне конкурса как участники Великой Отечественной войны.

принятых на первый курс вузов показателен. Общая картина приема в 1954 г. в педвузы Белоруссии в национальном разрезе представлена в таблице 5. Приведенные данные показывают, что общий процент евреев, принятых на первый курс в педагогические учебные заведения республики, упал с 15,9% в 1947 г. до 6,9% в 1954 г. В Минском государственном педагогическом институте им. Горького в 1954 г. на все факультеты было принято всего

Л. Смиловицкий

Таблица 5

**Национальный состав приема студентов
в педагогические высшие учебные заведения БССР
на 1954/1955 учебный год**

Наименование учебного заведения	Всего студентов	Белорусов	Русских	Евреев	Других	Евреев в %
Минский педагогический институт им. Горького	450	363	57	19	11	4,2
Минский педагогический институт иностранных языков	300	219	57	11	13	3,7
Витебский педагогический институт	425	320	51	43	11	10,1
Гомельский педагогический институт	250	168	45	13	24	5,2
Гродненский педагогический институт	300	235	37	26	2	8,7
Могилевский педагогический институт	326	258	37	30	1	9,2
Итого:	2051	1563	284	142	62	6,9

(По материалам НАРБ, ф.4, оп.73, д.66, л.197)

ЛЮДИ

СЕНДЕРИХИН Моисей Абрамович (1893—1949)

Дело врача

«Впервые услышать о дяде Моне мне довелось несколько лет назад, когда я, начав серьезно заниматься изучением родословной, обратилась с расспросами к старшему поколению родственников. И вот теперь, 2 года спустя, передо мной на столе разложены выписки, фотографии, статьи, письма, копии архивных документов, воспоминания — целый массив информации, который предстоит связать в единое целое и заставить «говорить», чтобы рассказать о трагической судьбе замечательного врача, педагога, талантливого и разностроннего человека и моего дальнего родственника — дяди Мони.

23 августа (по старому стилю) 1893 г. в типично еврейском местечке Шклов Могилевской губернии в семье **Абрама Сендерихина** родился сын, которому было дано имя **Моисей-Исаак**.

Семья была неплохо обеспечена, и родители постарались дать детям хорошее образование. Все дети пошли в медицину. Одна из дочерей стала повивальной бабкой, другая — дантистом.

Получить образование в черте оседлости мальчикам было гораздо труднее, чем девочкам, на которых не распространялась ограничи-

Моисей Сендерихин —
гимназист Борисовской гимназии.
*Фото из семейного архива
Хэрмэнс-Чернышовой Е.*

тельная норма на прием евреев в учебные заведения. Не сумев, судя по всему, пробиться в ближайшую Могилевскую мужскую гимназию, Моисей поступает в 1908 г. по экзамену сразу в 4 класс Борисовской частной мужской гимназии, которую с успехом и заканчивает в 1913 г.

На пути получения высшего образования снова встает пресловутая процентная норма и юноша не принимают в Московский Императорский университет. В том же году он получает заграничный паспорт и отправляется в Швейцарию. Для успешного разрешения бюрократических проволочек приходится дать взятку.

В Швейцарии его зачисляют в число студентов медицинского факультета Базельского университета. К сожалению, учеба в Базеле продолжается недолго. Весной 1914 г. из-за недостатка средств Моисей возвращается в Россию. И вовремя: 1 августа начинается Первая мировая война.

Несмотря на все сложности, ему все-таки удается поступить на медицинский факультет Юрьевского Императорского Университета.

В 1916 г. умирает мать. Семья перебирается в Витебскую губернию, в г. Городок.

Полностью ослепший отец находится на иждивении детей, вернее, старшей дочери **Анны** (Ханы). На плечи уже работавшей к тому времени повивальной бабкой Анны, человека необычайной доброты и трудолюбия, ложатся и заботы о получении образования младшими — сестрой **Фридой** и братом **Моисеем**.

И сестры, и брат, как и многие евреи, принимают активное участие в революционном движении и

Зачетная книжка **М. Сендерихина**
в Базельском университете.
Из семейного архива Хэрмэнс-Чернышовой Е.

Моисей Абрамович Сендерихин в Архангельске.
Фото из семейного архива Хэрмэнс-Чернышовой Е.

борьбе за права евреев. Фрида становится членом партии эсеров, что впоследствии тщательно скрывалось по вполне понятным причинам.

Моисей много пишет — стихи, поэмы, рассказы (в том числе и в жанре, который сейчас принято называть «science fiction»). Февральская революция была встречена им с энтузиазмом. В местной прессе появляются его статьи «Революция в огне! Да здравствует Революция!», «Шире дорогу», «Хлеба и свободы» и др., написанные в летние месяцы 1917 г. Полная поддержка Временного правительства, «революционная война» германскому империализму — основные темы его заметок в тот период. Идеи революции, свободы, братства полностью захватили молодого человека.

«И недалеко, мы верим, то время, когда на обломках европейского империализма рабочий Интернационал воздвигнет сверкающий чертог мира, в который Россия первой внесет факел истинной Свободы всех народов...» — писал М. Сендерихин 3 июля 1917 г.

В феврале 1918 г. Юрьев оккупировали войска кайзеровской Германии. Юрьевский университет объявлялся немецким университетом и подчинялся военным властям. Чтение лекций на русском языке прекращалось, и учебную работу следовало завершить к 20 марта. Совет Юрьевского университета оправил своих представителей в Россию, чтобы выяснить возможности переезда университета. Советом Народных Комиссаров РСФСР в июне 1918 г. было вынесено решение о переводе Юрьевского университета в Воронеж. В сентябре 1918 г. специальными поездами в город Воронеж прибыли 39 профессоров, 45 преподавателей и

около 800 студентов, среди которых был и Моисей Сендерихин.

В 1919 г., окончив университет, он возвращается в Городок, где на протяжении трех лет, в трудный период гражданской войны и межвластия, работает земским врачом и заведует уездной больницей. Окончив курсы повышения квалификации, начинает специализироваться в области гинекологии. Заведует больницей в Дриссе и амбулаторией, а затем родильным отделением в Пскове.

В Городке он знакомится и женится на коллеге, врачестоматологе **Гите Наумовне Смушковой**. В 1922 г. рождается **Нема** (Наум), а несколькими годами позже, уже в Пскове, и второй сын **Авраам** (Ибрагим).

Из воспоминаний **А.М. Сендерихина**:

«Из того, что теперь, спустя полвека, могу судить... при всех своих эксцессах советская власть была воспринята моим родителем. Я думаю, что период напа, период примирения, частичная реабилитация и разрешение возврата эмигрантам, вынужденным работать при белых, но не участвующим в репрессиях, был вполне приемлем, а прошлое с эксцессами старались забыть. Советская власть открыла возможности для евреев учиться в больших городах и выехать из... местечек».

Жизнь в Пскове была неплохо налажена, и больших материальных трудностей семья не испытывала. Моисей Абрамович и Гита Наумовна много работали, получали спецпаек, снимали 5-тикомнатную квартиру.

Моисей Абрамович занимался наукой и продолжал писать. Именно в то время им был написан неоконченный роман «Высоть», в котором нашла отражение жизнь провинциального городка, год «великого перелома», процесс Промпартии и раскол провинциальной врачебной среды.

Вообще, он был очень разносторонним и талантливым человеком: чрезвычайно музыкален, хорошо рисовал, любил литературу, имел интересное собрание книг, интересовался историей евреев в Испании во времена испанской инквизиции, был большим поклонником Спинозы. Говорил: «Спиноза — религия всех разумных людей».

В 1935 г. у него появляется возможность серьезно заняться научной работой. По приглашению профессора **К.К. Скробанского** (1874—1946), одного из видных гинекологов России, Моисей Абрамович с семьей переезжает в Ленинград и

работает ассистентом в клинике профессора. Одновременно исполняет обязанности главного врача поликлиники 1-го мединститута им. Академика Павлова.

Из воспоминаний А.М. Сендерихина:

«В те довоенные годы прибавки за научную степень были совершенно ничтожны, в науку шли не за длинным рублем. Мы получили 2 комнаты в коммунальной квартире. Отец тяжело работал (на 2 ставки) и писал кандидатскую работу».

В 1937 г. при кафедре Скробанского им была защищена кандидатская диссертация и начата работа над докторской.

В первый же день Великой Отечественной войны М.А. Сендерихин призывается в Красную армию. Он продолжает работать в Ленинграде, правда, уже не в клинике, а в эвакуогоспитале 2010 начальником хирургического отделения. В 1942 г. вступает в члены ВКП(б).

Из характеристики того времени:

«Пользуется авторитетом среди больных и личного состава госпиталя. Принимает активное участие в жизни госпиталя. Дисциплинирован. Предан делу партии Ленина — Сталина».

В осажденном Ленинграде, под гром воздушных бомбардировок, под грохот орудийного обстрела, работая, подчас, в темноте в неотапливаемых помещениях, он не прекращает вести исследовательскую работу. В первый год блокады заканчивает работу об использовании внутренних лекарственных ресурсов нашей страны. В 1942 г. защищает вторую диссертацию — докторскую.

Пишет работу «Использование трофейного медико-санитарного имущества».

В конце 1942 г. решением Главсанупра его переводят в Москву и назначают сначала начальником хирургического отделения, а затем начальником медицинской части эвакуогоспиталя 5006.

В 1944 г. его утверждают в звании профессора и назначают заведующим кафедрой акушерства и гинекологии Архангельского медицинского института.

К этому времени у Моисея Абрамовича уже 28 научных трудов.

Прощаясь с ним, коллеги по госпиталю пишут:

«Своим трудолюбием и неиссякаемой энергией Вы заражали персонал госпиталя в тяжелые и напряженные дни работы. Вы постоянно поднимали целый ряд как будто на первый взгляд заурядных вопросов на большую принципиальную высоту...

Ваша ответственная работа по приему, эвакуации раненых, по борьбе с эпидемическими заболеваниями, по военно-врачебной комиссии, на патологоанатомических конференциях проводилась Вами методично, выдержанно, спокойно и твердо. Эти Ваши качества характеризуют в Вас стойкость и ясность большевика и честность Советского работника, большую разносторонность Ваших знаний».

Война закончилась, впереди его ждало новое поприще — педагогическая работа, научная деятельность, и, казалось, ничто не предвещало беды.

Уехав в далекий Архангельск, Моисей Абрамович с энтузиазмом окупился в преподавательскую работу, которая протекала с большим успехом. Лекции его, читавшиеся простым и доступным языком, были содержательны и охотно посещались студентами. Высокое качество подготовки студентов было результатом предъявляемых им высоких требований.

Продолжал он и научные исследования, основным направлением которых было течение беременности в северных широтах в условиях С-витаминной недостаточности.

В те послевоенные годы обстановка на кафедре была непростая. Не было единого коллектива, часто менялись ассистенты и доценты, что вызывало сложности при руководстве кафедрой. Его попытки разоблачения приписок, слишком усердная (по мнению некоторых) забота о студентах, живущих в общежитиях, вызывали все нарастающее раздражение.

Наступил 1947 год. В стране началась борьба с антипатриотизмом, а затем и космополитизмом во всех областях науки и искусства. Борьба с космополитизмом имела, помимо всего прочего, еще и открыто антиеврейскую направленность. Обстановка накалялась, нагнеталась массовая истерия. Все это было психологической подготовкой к будущему «делу врачей». Нужен был только повод. И он нашелся.

В сентябре 1947 г. в югославском журнале «Сербский медицинский архив» была опубликована статья М.А. Сендерихина «Новейшие данные об отдельных результатах восстановления тазового дна по ОТТУ». В статье, среди прочего, говорилось о разрушительном влиянии женского физического труда на лесозаготовках и погрузочно-разгрузочных работах на женский организм.

Как об этом узнали в институте и горком ВКП(б) — неизвестно. Настали страшные дни. Разбирательство на партийном уровне длилось около полугода.

Некоторые выдержки из справки по партийному делу Сендерихина М.А.:

«...в период 1947—1949 годов допустил ряд антипатриотических ошибок и извращений состояния здравоохранения в нашей стране», «...в лекциях... лживо восхвалял заботу о женщине в США, Индии и Индонезии, не показал преимуществ социалистического строя и достижения Советского Союза в области охраны материнства...», «Преклоняясь перед порядками об охране здоровья женщин, установленными английскими и американскими империалистами... не сказал... о широкой сети медицинских учреждений, созданных в нашей стране... высказал свою антинаучную теорию влияния лунного света на менструальный

цикл женщины... Из имевшей место критики Сендерихин как член партии должных выводов не сделал, заявив... следующее: «Я удовлетворен одним — что моя работа вызвала столько вопросов и обмен мнениями. Некоторые из них я могу опровергнуть», «...В публичной лекции... допустил вульгарные, антинаучные сравнения женских половых органов с органами размножения растений».

Читать эти документы и страшно, и дико.

7 апреля 1949 г. решением Архангельского горкома ВКП(б) Сендерихин М.А. «за антипартийные поступки, выразившиеся в опубликовании в иностранной печати клеветнической статьи и проявлении в ряде лекций раболепия перед реакционным Западом» был исключен из партии.

Что означало исключение из партии в то время? Обычно за этим следовало снятие с должности, вызов в соответствующие органы, арест... Так ли все это было неотвратимо — сказать трудно...

В конце апреля Моисей Абрамович отправился в Москву сдавать дела. Заехал в Ленинград, чтобы повидаться с семьей. Последние его слова: «Тяжелые времена наступают».

1 мая 1949 г. он выехал из Ленинграда в Архангельск. Где-то на переезде Вологда — Архангельск М.А. Сендерихин покончил с собой, надев на шею петлю.

Похоронен на еврейском кладбище Санкт-Петербурга (Ленинграда).

Благословенна память его.

Да будет душа его вплетена в узел жизни».

Е. Хэрмэнс-Чернышова

ЛЮДИ

ШТАММ Самуил Хаймович (1888—1963)

«Мой отец, **Самуил Хаймович Штамм**, родился в 1888 г. в Польше. У него была очень богатая биография, которую я знаю только урывками. Он служил в Российской армии, и куда только судьба его не забрасывала. До революции он успел побывать в США и работал там маляром, долго лечился от туберкулеза. Как мы потом узнали, у него первая дочка жила в Америке, но он никогда и не пытался установить с ней контакт, понимал, что к добру это не приведет. После революции он осел в Могилеве, женился на нашей маме, **Эльке Иосифовне Файнштейн**. А свою мать **Бовчу** он привез из Польши (из Сувалок) в Могилев в 1939 г., после присоединения Западной Белоруссии.

Образования отец никакого не получил, но был очень грамотным и энергичным человеком, и стал при советской власти одним из первых организаторов кустарных артелей. Потом он за-

Самуил Хаймович Штамм.

Фото из семейного архива дочери, Ванилер А.С.

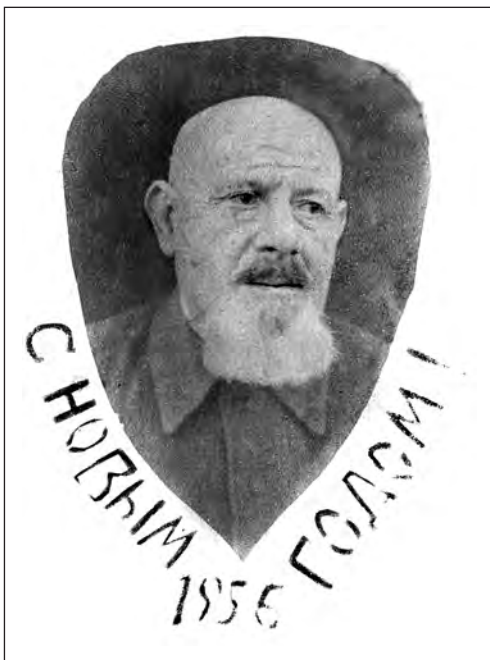
нимал руководящие должности. Последняя его работа — председатель облкоопсоюза, т. е. в его ведении находились все мелкие мастерские.

В начале войны мы эвакуировались в Удмуртию. Отец был начальником эшелона. А в Удмуртии его назначили директором молокозавода.

После возвращения в Могилев папу снова назначили на руководящую работу. Часто он бывал на различных совещаниях. Последнее его совещание в Минске было для всех нас и него, конечно, очень памятным. Как раз тогда убили народного артиста СССР Михоэлса. Папа вернулся домой очень расстроенным. У него был сердечный приступ. К нам часто заглядывал папин приятель, управляющий делами **Юслин**. Любил он поговорить с папой на разные политические темы. Пришел Юслин и в этот раз с неким **Легчиновым**, не знаю, кем он работал. Папа рассказал им о последних событиях и в разговоре сказал, что после смерти Михоэлса у него бы рука не дрогнула расстрелять виновных. Буквально через несколько дней в марте 1948 г. я вернулась домой с работы и увидела такую картину: папа сидит совсем бледный, а какие-то люди ходят по дому. Что? Почему? Никто ничего не говорит. Начали проводить обыск. Папа, как номенклатурный работник, имел радиоприемник, что тогда было большой редкостью, и выписывал очень много всяких газет и журналов. Вот пришедшие люди по листочку все это разбирали, искали связи с Западом. Разобрали приемник, проверили

и отключили телефон. Одну из моих старших сестер вывели во двор в сарайчик. Мы жили в частном доме на Виленской улице. Приказали перебрасывать дрова в другой угол. Она ответила: «Вам надо, вы и перебрасывайте». В итоге ничего так и не нашли, но отца забрали с собой. Посадили его в тюрьму, в одиночную камеру. Находилась она во дворе нынешнего машиностроительного института. И судили его прямо там, в камере, может быть потому, что он был не в состоянии куда-то идти. Никакого открытого суда не было. Один знакомый прокурор только передал нам, что отца переводят

в Минск, и мы смогли его увидеть, когда он помахал нам рукой из зарешеченной камеры. В Минске папу держали довольно долго. Несколько раз мы собирали ему передачи, и сестра Рива отвозила туда. Потом мы узнали, что дали отцу 25 лет. Мы долго еще не знали причину ареста. Много позже стало известно, что тот самый Юслин и Легчинов были осведомителями КГБ. А ведь Юслин после

Самуил Хаймович Штамм.
Поздравительная открытка из зоны.
Фото из семейного архива Ванилера А.С.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

СТЕРЛИНА Якова Ароновича (1917—2000)

*«Трагическая история связана с председателем областного инвалидного союза **Самуилом Хаимом Штаммом**. Он отсидел 12 лет. Узнал я о том, что его посадили, на партийной конференции, делегатом которой был. Когда сказали, что Штамма посадили, я был в шоке. Он был очень эрудированным, грамотным специалистом, настоящим кожевником старой школы, прекрасным человеком. А с трибуны партконференции бросили, что среди нас были такие коммунисты, которые имели связи с заграницей, шпионы и провокаторы, вот такие, как Штамм. Это был 1949 год.*

Потом, естественно, его реабилитировали. Когда я уже работал главным инженером, он появился у меня в кабинете, много мне потом рассказывал, как сидел, как его допрашивали. Говорил, что дал подписку о неразглашении этого, но молчать не мог. Его вызывали, бывало, за ночь по 10—12 раз, пытались взять измором, чтобы подписал какие-то ложные показания на людей. Убейте, говорил он им, но ничего подписывать не буду, ничего этого не было. От бессонницы его буквально шатало. Его допрашивал сам Цанава, друг Берии. После отсидки Штамму вернули квартиру, дали деньги. Он пожил еще года три, но здоровье было подорвано, и он умер очень быстро».

ареста отца много раз бывал у нас дома, выражал свои соболезнования, а оказался таким «иудой». Отца же отправили в мордовские лагеря. Попал он на станцию Потьма. И отсидел там почти десять лет. Переписка с ним была очень нерегулярная. Мы получали письма только раз в год. А посылки разрешали посылать раз в три месяца.

Мама тогда работала в магазине «Красный пахарь». Через некоторое время после ареста отца ее уволили с работы как жену врага народа. Правда, сестра **Рива** не сложила руки, ходила по всяким инстанциям и, уже значительно позже, маме разрешили восстановиться на работу и даже заплатили компенсацию. Но сил у нее уже не было никаких. Я сама работала зубным техником в поликлинике на Миронова. В 1947 г. вышла замуж за **Гилю Ванилера**, а в октябре 1948 г. родила первого сына. После декретного отпуска на старую работу меня тоже не взяли. Потом мне добрые люди подсказали, чтобы я переделала паспорт на имя мужа. И когда я стала Ванилер, то мне удалось устроиться на работу в детскую консультацию.

Муж в это время (ему тогда было 20 лет), работал в протезной мастерской, и его тоже напрямую коснулся арест отца. Как-то у них собрали партийное собрание, на котором директор объявил, что вчера со стены упал портрет Сталина и Ванилер наступил на него ногой. После таких слов обычно человека забирали. Мы все это прекрасно знали и, естественно, испугались. Муж сразу обратился к парторгу **Изаксону**, с которым он был в хороших отношениях. Тот сказал: «Надо идти в горком. опередить события». Муж обратился к секретарю горкома, рассказал ему о собрании, сказал, что отец и брат его погибли на фронте, что сам с

детских лет работал, недавно женился, маленький ребенок, а у него недавно забрали тестя. Тот все выслушал и сказал: «Вы не волнуйтесь, идите спокойно работайте...» Через некоторое время мы узнали, что директора и парторга мастерской вызывали в горком и дали взбучку. Мужа больше не трогали, но арестовали того секретаря горкома, к которому он ходил. Что было поводом, мы не знаем, как не помним его фамилию, но благодарны ему безмерно.

После смерти Сталина папу сразу не освободили. Он еще почти пять лет сидел, но потом рассказывал, что режим стал гораздо легче. Вернулся он только 8 марта 1958 г. и кое-что нам стал рассказывать. Конечно, это было не лучшее время его жизни, но, как ни странно, приступов стенокардии у него в лагерях было гораздо меньше. Рядом с ним сидели очень известные люди — видные ученые, военачальники, артисты, в том числе и Русланова. До 1953 г. режим был прямо зверским, относились к ним как к животным. Многие кончали жизнь самоубийством. Произошло в зоне и восстановление заключенных, которое в буквальном смысле подавили танками.

Вениамин Давыдович Геллер и Самуил Хаймович Штамм.
Фото из семейного архива Ванилер А.С.

После возвращения отца так и не реабилитировали. А он хотел еще и в партии восстанавливаться, ходил долго по всяким инстанциям. Но безрезультатно. Даже пенсию не сразу дали. Только через год после возвращения. Тогда и компенсировали этот год какими-то деньгами, и помню, что он всем нам, сестрам, купил часы по 500 рублей.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

СИМАНОВСКОЙ (Голод) Раисы Львовны (р. 1929)

*«Я не сталкивалась непосредственно с репрессиями, которые коснулись многих евреев в 50-е гг. К счастью, мою семью эта беда обошла стороной. Но среди знакомых потерпевших было очень много. Так, со мной работала медсестрой **Аня Ванилер**, девичья ее фамилия **Штамм**. Ее отца забрали в 1948 или 1949 г. Он был начальником то ли райпотребсоюза, то ли облпотребсоюза, точно не знаю. Как дочь врага народа, она нигде не могла устроиться на работу, семья буквально бедствовала. Врач **Фаина Яковлевна Плоткина** дала ей совет поменять фамилию **Штамм** на фамилию мужа. Та так и сделала, и Плоткина смогла ей помочь.*

*Со мной работала **Лиля Коникова**. Отца ее тоже арестовали. Я даже не знаю, кем он был по должности. У Лили тотчас появились проблемы с работой и жильем. И только после того, как она вышла замуж и сменила фамилию, ее та же Фаина Яковлевна смогла устроить на работу.*

*Отец моей студенческой подруги **Розы Глазштейн** (по мужу **Дурмашкина**) прошел всю войну, демобилизовался в звании майора. Его тоже посадили.*

Коников умер в тюрьме, Штамм вернулся после реабилитации, но долго после этого не прожил. Также через несколько лет после возвращения умер и отец Розы.

*Не вернулся из заключения отец **Дины Эпштейн**, который работал на швейной фабрике.*

***Яша Райхлин**, наш бывший сосед, был обвинен в том, что поддерживал связи с заграницей с помощью какой-то радиостанции. Он работал инженером на заводе «Строммашина». Его тоже посадили, но вскоре выпустили.*

Были обвинены и сосланы оба могилевских резника, «Сане дер шейхет» и еще один, живший около Быховского рынка. В чем их обвинили, я не знаю.

Те, кого я называю, это малая часть того, что было на самом деле. Это был страшный период в жизни евреев СССР. Дай Бог, чтобы он больше не повторился».

К сожалению, прожил он после возвращения не очень долго, не успел порадоваться толком новой квартире. Умер от сердечного приступа в поезде, когда возвращался от сестры из Слонима.

Естественно, в конце 40-х гг. не один наш отец подвергался арестам. Это была система, и только в нашем окружении мы знаем несколько случаев. Так, арестовали **Зелика Косовского**, который работал вместе с моим мужем. Он был хорошим слесарем, но даже в беседе толком двух слов связать не мог. Когда ему дали 10 лет как американскому шпиону, мы все были в шоке. Также были арестованы папины друзья **Беньямин Геллер**, который заведовал зубопротезной мастерской на Миронова, и **Кашин** (как его звали, не помню) (из воспоминаний **Ванилер Анны Самуиловны** (р. 1924)).

ЛЮДИ

ЗИЛЬБЕРМАН Абрам Моисеевич (1907—1963)

Имя **Абрама Моисеевича Зильбермана** сейчас осталось в памяти немногих. Его жизнь, как и жизни тысяч людей, по-особому интересная, не всегда спокойная, со взлетами и падениями, наполненная трудовыми успехами и буднями, тесно связана с Могилевом.

Родился Абрам Моисеевич 1 мая 1907 г. в Иркутске в многодетной семье. Здесь он делал первые шаги, познавал окружающий мир, жил и учился.

Свое образование продолжил в Москве, куда из Иркутска еще неокрепшим юношей его забрал муж старшей сестры (в прошлом ссыльный революционер). Возможно, общение с этим человеком и повлияло на выбор жизненного пути и связало его с партией.

Волею судьбы Абрам Моисеевич оказался в Могилеве — городе, с которым и связал всю свою дальнейшую жизнь. Трудовую деятельность он начал на

ЛЮДИ

КАШИН Соломон Вульфович (1897—1973)

*Соломон Вульфович Кашин родился в Шклове в 1897 г. в семье ремесленника, у которого было трое сыновей и четыре дочки. После революции Соломон стал комсомольским активистом, его брат **Наум** — научным работником, брат **Куся** — военным летчиком. С 1929 г. семья Кашиных жила в Могилеве.*

Соломон Вульфович работал заведующим отделом горсовета, коммерческим директором шелковой фабрики. В 1939 г. Соломон был переведен в Барановичи на должность председателя Барановичского облпотребсоюза.

*Во время войны все сестры погибли в шкловском гетто, Наум погиб на Ленинградском фронте, на фронте же погибли двое сыновей Соломона (**Леонид** и **Хоня**). Сам Соломон всю войну отвоевал на фронте.*

*После войны С.В. Кашин работал в Могилеве зав. финансовым отделом обкома партии, начальником облторга. В конце октября 1951 г., когда был «большой еврейский хапун», Кашин был арестован, осужден на 10 лет, срок отбывал в Тайшете. Освобожден был в 1955 г. (из воспоминаний **Шульмана М.И.** и **Эпштейна Х.Б.**).*

заводе им. Димитрова (теперь «Строммашина»), откуда позднее коллективом был выдвинут кандидатом в депутаты городского Совета. В 1939 г. А.М. Зильберман был утвержден ответственным секретарем Могилевского горсовета и проработал в этой должности до начала войны (ГАОМО, ф.9, оп.8а, д.1281).

22 июня 1941 г. война ворвалась в мирную жизнь советских людей. С приближением фронта к Днепровскому рубежу решением обкома партии были организованы областной и городской штабы отрядов народного ополчения. В состав городского штаба вошел и секретарь горсовета А.М. Зильберман (Солдатами были все. — Мн.: Беларусь, 1972. — С. 52). После создания республиканской эвакуационной комиссии начались переселения в глубокий тыл жителей Могилева, вывоз оборудования фабрик и заводов, государственных архивов, материальных ценностей. К родным в Иркутск уехала и жена **Анна** с детьми. Оставшиеся в городе родители, **Арон** и **Люба Сироткины**, погибли в

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

ЕРМАНЮК Миря Самуиловны (р. 1923)

*«В 1951 г. было антисемитское дело. Арестовали группу еврейской интеллигенции. Среди них: **Кашин** — зав. торговым отделом облисполкома, **Вениамин Давыдович Геллер** — зубной врач, **Яков Исаакович Райхлин** — председатель артели, следователь **Куша Соломонович Израильский** (потом он стал известным адвокатом), **Абрам Зильберман**. Их обвиняли в сионизме. Дали по 25 лет. Потом реабилитировали. В деле Райхлина было записано, что он хоронил отца по обряду. Этого было достаточно для обвинения».*

Абрам Моисеевич Зильберман

годы оккупационного режима в гетто в числе тех 10 тысяч евреев, которые были уничтожены немцами в Могилеве и его окрестностях.

С начала фашистской оккупации партийные и комсомольские активисты разрозненными группами вели подпольную борьбу. В целях конспирации они вынуждены были жить под чужими именами, используя поддельные документы. Чтобы скрыть свое партийное прошлое и национальность, Абраму Моисеевичу пришлось жить под именем **Сулеймана Мелиховича Гадасяна**. Гитлеровские захватчики устраивали постоянные облавы на всех подозрительных в городе. В одной из таких облав на Советской площади, возле парка, был задержан и Абрам Моисеевич. Всех арестованных выстроили на площади для опознания. Многие увидели среди них бывшего секретаря горсовета, но намеренно не признали в нем ответственного партийного работника. Так судьба улыбнулась Зильберману и он был чудом спасен от гибели. Стало ясно, что рисковать больше нельзя, и он отправился на поиски партизанского отряда, в котором мог бы продолжить борьбу с оружием в руках. Задача оказалась нелегкой. Долгое время голодный и замерзший, обходя ночами деревни и немецкие посты на дорогах, бродил Абрам Моисеевич в поисках партизан. Его, лежавшего без сил в канаве, случайно обнаружил и выходил местный житель одного из окрестных сел. После того как Абрам Моисеевич окреп и пришел в себя, он вместе со своим спасителем продолжил дальнейшие поиски. К сожалению, об этом периоде жизни и борьбы А.М. Зильбермана известно немного. Но мы хорошо знаем, каким подозрительным и строгим

в проверке людей было то время. Тем более к тем, кто оставался на оккупированных территориях. И эту проверку Абрам Моисеевич прошел достойно, иначе на его груди не сияла бы почетная боевая награда — медаль «За победу над Германией» (Справка о реабилитации Верховного Суда Республики Беларусь от 17.10.2000, № 01-205р из личного архива А.А. Зильбермана).

28 июня 1944 г. Могилев был освобожден от немецко-фашистских захватчиков. Уже 29 июня возобновил свою работу городской исполнительный комитет Совета депутатов трудящихся. 10 июля 1944 г. в его состав вместе с председателем **В. Мухой**, членами **А. Морозовой**, **Е. Вороновой**, **Я. Глазшнейдером** был включен и А. Зильберман, назначенный секретарем (Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Магілёва. — Мн.: БелЭн, 1998. — С. 419).

В связи с необходимостью скорейшего восстановления народного хозяйства в стране было принято решение о назначении руководителями предприятий специалистов с инженерно-техническим образованием и опытом работы. Одним из таких людей был и А.М. Зильберман. Так он стал директором Могилевского кирпичного завода, который был восстановлен в кратчайшие сроки (ГАООМО, ф.42, оп.2, д.614, л.3). Затем работал директором Могилевского черепичного завода № 4, позже — главным бухгалтером артели «14 лет Октября» (там же). К военной награде добавилась теперь уже мирная — медаль «За доблестный труд».

22 ноября 1951 г. Абрам Моисеевич неожиданно для всех, кто его знал, был арестован по анонимному доносу вместе с руководителем и другими служащими артели. Было возбуждено дело, и по приговору судебной коллегии по уголовным делам Могилевского областного суда от 13 марта 1952 г., оставленному без изменений определением судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда БССР от 28 марта 1952 г., Зильберман Абрам Моисеевич (он же Гадасян Сулейман Мелихович) осужден на 25 лет лишения свободы с конфискацией имущества. Наказание отбывал в городе Дзержинске, где работал по специальности на медеплавильном комбинате. По возможности старался сэкономить заработанные деньги, чтобы отослать семье. Жене и детям «врага народа» в то время было нелегко и морально, и материально. Анна Ароновна долго не могла найти работу, помогали родные и близкие. Устроившись на фабрику пуговиц, вскоре была вынуждена уволиться по состоянию здоровья. Старшего сына призвали на службу в армию, не дав закончить техникум. Все заботы о семье легли на плечи пятнадцатилетней дочери, которую знакомый отца с трудом устроил на работу в вышивальную артель.

Родные постоянно обращались в областной, Верховный суды, писали письма руководителям государства с просьбами о пересмотре дела. Ходатайства не прошли бесследно. После смерти Стали-

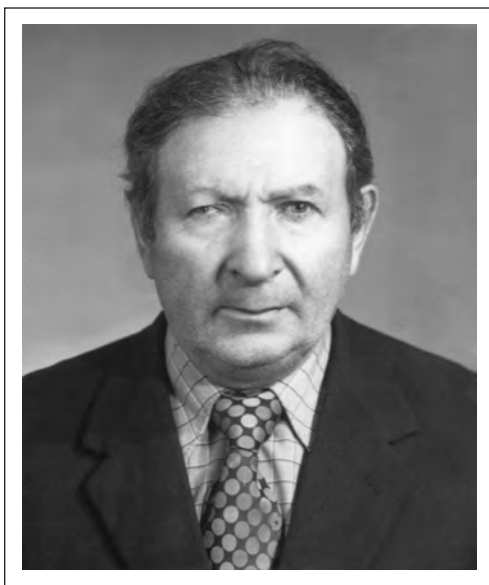
на определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 6 февраля 1954 г. мера наказания А.М. Зильберману была снижена до 10 лет лишения свободы. 23 сентября 1955 г. дело было прекращено за отсутствием состава преступления и Абрам Моисеевич был освобожден из-под стражи со снятием судимости, а в 1959 г. — реабилитирован.

После возвращения домой работал главным инженером на Могилевской обувной фабрике. Но годы заключения не прошли бесследно: здоровье ухудшилось. Перенес в 1959 г. тяжелейшую онкологическую операцию. Осенью 1963 г. — новое обострение болезни, но сделать повторную операцию не успели. 10 ноября 1963 г. Абрама Моисеевича не стало (**Соклакова Н.В.** Жизнь человека как часть истории народа // Шляхі Магілёўскай гісторыі: зборнік навуковых прац: у 2 ч. Ч.2 / Уклад. І.А. Пушкін, В.В. Юдзін. — Магілёў, 2005).

ЛЮДИ

КОСОВСКИЙ Зелик Борисович (1915—1988)

Зелик Борисович Косовский родился в 1915 г. в Минске в еврейском районе. Начал работать с 14 лет учеником слесаря. До войны работал на минском радиозаводе. Когда фашисты оккупировали Минск, он с семьей оказался в гетто, где погибли его жена и сын. Сам остался в живых чудом. После освобождения города был призван в армию.

Зелик Борисович Косовский.
Фото из семейного архива Косовского Г.З.

Войну закончил в Японии. После демобилизации судьба забросила его в Могилев. Он устроился на завод «Строммашина». Все это время старался соблюдать традиции, участвовал в религиозной жизни могилевских евреев. В 1951 г. вместе с несколькими евреями был арестован, обвинялся в прослушивании зарубежных радиостанций. Был приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей, а его товарищи получили по 20 лет. Жена с двумя маленькими детьми была зимой выгнана из служебной квартиры на улицу. Зелик Косовский провел в заключении в Коми 5 лет, после реабилитации возвратился в Могилев, работал слесарем-инструментальщиком. Даже после освобождения не отступил от веры отцов, участвовал в молениях могилевских миньянов. Одним из первых изготовил машинку для производства мацы, которая распределялась на Пасху среди евреев города. Всю жизнь мечтал о земле обетованной, но судьба распорядилась иначе: он умер в 1988 г., а трое его сыновей репатриировались в Израиль в начале 1990-х гг. (по воспоминаниям **Косовского Григория Зеликовича**, Израиль).

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

ШУЛЬМАНА Михаила Иосифовича (р. 1923)

«В послевоенные годы Могилев уже не был таким полуеврейским городом, как до войны. Многие евреи не вернулись из эвакуации, прижились на новых местах, связаны были работой. Процент еврейского населения города был сравнительно невысок, и это уже были люди иного душевного склада, иной степени активности, многие душевно надломлены войной, холокостом, государственным антисемитизмом. Роспуск в ноябре 1948 г. Еврейского антифашистского комитета почти всеми мыслящими людьми был воспринят как официальное объявление евреев персонами нон грата: дескать, люди без чувства родины, космополиты — это потенциальные изменники и шпионы, и относиться к ним надо соответственно. Особенно оскорбительно это было для фронтовиков: ценность их воинских заслуг, ранений, орденов и медалей упала почти до нуля. Интересно, что рядовые граждане, для которых государственный антисемитизм уже стал чем-то будничным, воспринимали кампанию борьбы с космополитизмом тоже довольно буднично, как привычное шоу. Прессинг шел исключительно сверху и преимущественно на людей гуманитарных профессий и на тех инженеров, хозяйственников, кто занимал какие-то руководящие должности, пусть даже и самые незначительные.

Идиш как язык общения практически умер: на улице разговаривать на нем было небезопасно, тем более в общественных местах, постепенно он вышел из употребления и дома.

Памятник Сталину в Печерске.
Фото 50-х гг. XX в.

Многие, и часто даже не по своей инициативе, изменяли свои еврейские имена на русские. Например, две моих родственницы, обе **Двейры**, в эвакуации попали в места, где до них никогда не видели живого еврея. Одной из них местный паспортист сделал выговор за искажение нормального «человеческого» имени и записал ее, Двейру, Евдокией, поскольку ее дома звали Дусей. Другой сельсоветский грамотей рассудил точно так же, но Двейру записал Верой.

Еврейские имена звучали естественно в еврейской среде, но после войны евреи в основном жили в среде русско-белорусско-украинской и еврейские Мордух, Хаим, Эфраим раздражали слух окружающих — и тем и другим было удобнее именоваться Матвеями, Ефимами, Ефремами. То же происходит и во всем остальном мире, и не только с еврейскими именами. В США Хаим-Ефим становится Джимом, Мордух-Матвей — Мэтью, Эфраим-Ефрем — Джерри. Американцу трудно выговорить слово Владимир — и мой сын не по своей воле стал Уолтером, внук — Стэнли и т. п. И если в Израиле еврейский Гирш превращается в Цви, разве это не то же самое? Считаю это вполне нормальным явлением.

Конечно же, были у евреев трудности с устройством на работу — преимущественно для людей, имеющих высшее образование и претендующих на соответствующие сферы деятельности. Нередко устройство даже на простую работу зависело от на-

строения принимающего. Широкие возможности открылись перед любителями брать взятки.

Мой брат **Арон**, начальник СУ-179, принимал на работу еврейских инженеров, за это был несколько раз вызван «на ковер» к местному партийному начальству и получал официальные выговоры за то, что «развел синагогу», за «неправильную расстановку кадров» и т.д. Главным грехом, оказывается, было не то, что управление хорошо работает, а то, что таких результатов добиваются евреи.

«Дело врачей» было состряпано настолько грубо, примитивно, что сразу же бросалось в глаза — еще на слуху были «дело Бейлиса» на Украине начала XX в. и «дело Дрейфуса» во Франции XIX в. Но у Бейлиса и Дрейфуса была широкая публичная защита, и во многом благодаря этому оба обвинения провалились. В «деле врачей» 50-х гг. ни общественной, ни какой-либо иной защиты не было (внутри страны), да и не могло быть: настолько все средства массовой информации были зажаты цензурой и КГБ.

Состряпано это дело было по известному рецепту Геббельса: ложь должна быть огромной, глобальной, только тогда в нее могут поверить массы. Антисемитские настроения в обществе, хорошо разогретые кампанией борьбы с «безродными космополитами», т. е. с невоевавшими евреями, получили мощный толчок, освобождавший всех люмпенов и прикрывающие их власти от остатков сдержанности. В любую минуту и везде: в автобусе, на улице, на работе — можно было ожидать хулиганской выходки (и они были!) и ясно сознавать, что, если ты не защитишь себя сам, тебя в этой стране не защитит никто. В воздухе остро ощущался запах назревающего погрома — не могу понять, почему его не произошло. Очевидно, организаторы решили несколько выждать — и упустили время. Главное ощущение того времени: не хотелосьшний раз выходить на улицу, в кино, на базар.

Окончание этого позорного дела дало возможность вздохнуть с облегчением, однако полностью тревоги не сняло: наказаны были лишь немногие вдохновители на самом верху, но рьяные исполнители на местах остались невредимы, при тех же должностях и, разумеется, с теми же настроениями. И они, и мы, евреи, знали, что это всего лишь антракт, пьеса не окончена и продолжение следует. Каким будет это продолжение, не мог знать никто, но раз «артисты» те же...

Сценарий изменили смерть Сталина и арест Берии. Они не были одновременны, поэтому воспринимались по-разному. Вера в Сталина основывалась на традиционном русском постулате: «Царь хорош, министры плохи». Поэтому его смерть у тех, кто верил ему, вызвала нечто вроде шока и страха: кто же из «плохих министров» теперь станет царем?

Я лично Сталину не верил задолго до его смерти, так что она на меня особого впечатления не произвела, оставалось лишь любопытство: кто займет его место?

Абрам Гилькович Кацман (1904—1974).
Фото 1949 г. из семейного архива
Кацмана Л.А.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

КАЦМАНА Льва Абрамовича (р. 1926)

*«После войны мой отец, **Абрам Гилькович Кацман** (1904 г.р.), был директором рыбного магазина-базы в Могилеве. К витрине магазина на Первомайской все дети города бегали смотреть на рыбок. Магазин стал городской достопримечательностью. Отцом был открыт кулинарный цех по переработке рыбы. Холодильников не было, и рыба хранилась в подвалах на Первомайской. На противоположной стороне Дубровенки, напротив Щемиловки, стояла вышка — зимой с нее лилась вода и замерзала. Лед пилили на куски, потом рыба со льдом закрывалась опилками. Но все равно летом рыба портилась, гнила. Ее списывала комиссия в составе 5 человек, а папа утверждал акты списания. В 1952 г. эти акты были признаны незаконными и 11 человек получили по 25 лет тюрьмы. Отец отсидел 13 лет. Он должен был заплатить 2 тысячи рублей. Мама бедствовала. Большинство осужденных по этому «рыбному делу» были евреями. Помню несколько фамилий из руководства: **Кацман, Лесман, Брикер, Кицелев**».*

Арест Берии и его ближайших сподвижников типа «гаулейтера» Белоруссии Цанавы вселял надежды. Надежды эти окрепли после XX съезда и доклада Хрущева. И лишь немногие мудрецы, как Илья Эренбург, понимали, что это всего лишь оттепель, а до весны еще далеко.

В 1953 или 1954 г., точно уже не помню, трое еврейских парней — один из них был студент геофака **Лаевский**, двое мне не знакомы — стали обходить еврейские дома и собирать деньги на памятник погибшим в гетто. Памятник предполагалось поставить на месте расстрелов, возле деревни Польковичи. Однако власти по каким-то причинам не разрешили. Очевидно, было указание от высших партийных органов затушевывать факты геноцида именно против евреев — геноцид, дескать, был против всего советского народа.

Тогда ребята попросили разрешения эксгумировать останки своих родственников и перезахоронить их на еврейском кладбище. Добившись разрешения, парни наняли грузовую машину, доверху нагрузили костями, вырытыми из братских могил, перезахоронили их

на еврейском кладбище, поставили обелиск. Власти потребовали изменить первоначальную надпись: вместо слова **ЕВРЕЙСКИХ** написать **СОВЕТСКИХ**.

В первые послевоенные годы мне нередко приходилось видеть на окраинах деревень скромные стандартные стелы с такими надписями: «На этом месте фашисты расстреляли (...) семей евреев, членов нашего колхоза». Потом эти стелы повсеместно исчезли — очевидно, по распоряжению свыше...»

Рыбный магазин на ул. Первомайской.
Фото 50-х гг. XX в. из семейного архива Кацмана Л.А.